

О биографичности социологического творчества. Поиски методологии и опыт анализа

Утверждается, что творчество социолога детерминируется его биографией. Это положение раскрывается на примерах биографий советских социологов и автора настоящей статьи.

Ключевые слова: биография социолога, история советской / российской социологии, биографическая обусловленность творчества.

Борис Докторов

Доктор философских наук, профессор,
независимый исследователь
E-mail: bdoktorov@mail.ru

doi:10.33491/telescope2019.106

*Памяти Андрея Николаевича Алексева
(1934-2017)*

1. Введение. Освоение темы

В чем смысл поиска элементов биографичности в деятельности социологов? В принципе все очень просто: настоящее творчество всегда лично, индивидуально, мотивировано изнутри. И если мы исходим из того, что социология вся или в значительной ее части — это пространство творчества, то тема биографичности приобретает заметное звучание. Достаточно традиционны рассуждения о биографичности творчества художников, музыкантов, поэтов, писателей, но мне не известны обсуждения этой стороны творчества применительно к социологам. Годы наблюдений, чтения мемуаров социологов и представителей мира творческих профессий, эмпирическое зондирование этой темы убеждают меня в биографичности социологической деятельности. Но это не снимает проблему определения меры биографичности социологического творчества и анализа ее специфичности.

Так, поэты, художники, композиторы даже в тоталитарном обществе, история русской и советской культуры дает массу примеров, находят ниши, форму, язык и т. д. для самовыражения. Наука всегда, даже в самые вегетарианские времена, более консервативна в принципах, концепциях, методах сбора и анализа информации, в языковом оформлении теоретических построений и эмпирических выводов. К тому же ученый, в частности социолог, весьма ограничен в своей текущей и долгосрочной деятельности тем, что работает по заказам государства или корпораций, да и труд его — коллективный. Потому, их пространство для ответа на собственно «биографические» вызовы, как правило, невелико.

В самом широком смысле *биографичность социологического творчества* означает детерминированность профессионального поведения, деятельности социолога в пространстве его исследований многообразием событий вне его профессиональной жизни. Биографичность имеет сложную социокультурную и социально-психологическую природу, многомерное строение и динамическую структуру и потому множество форм проявления. В силу сказанного, этот феномен зачастую трудно выделить на фоне других обстоятельств, факторов, определяющих профессиональную деятельность социолога. Однако представляется возможным — на примерах из биографий большого числа российских социологов и собственной жизни — указать действия биографического фактора.

В моих историко-биографических исследованиях, начатых на рубеже веков, фактор биографичности творчества, более широко — профессиональной деятельности социологов заявил о себе достаточно быстро. Так, изучая биографию одного из главных создателей современной глобальной практики и культуры проведения опросов общественного мнения Джорджа Гэллапа, я обратил внимание на то, что он был американцем в десятом поколении. Мне удалось отыскать литературу по его генеалогии, прочесть о вкладе его предков в историю Америки, в частности — об их активности в участии Массачусетском го-

родском собрании — первой форме американской прямой демократии. Достаточно рано Гэллап познакомился с трудами английского историка американской демократии лорда Джеймса Брайса и его выводами о значении городского собрания. И эта философия — к тому времени Гэллап был опытным исследователем рынка и специалистом по изучению потребительских установок — во многом определила рождение опросов общественного мнения. Вот такая удивительная биографичность продолжительностью в 300 лет. Она и стала импульсом к рассуждениям в этой области.

В 2004-2005 годах началось мое изучение истории российской социологии, и уже в 2007-2008 гг. я пытался найти биографичность при работе над очерком о В.Б. Голофасте. Мне представлялось, что его язык, стиль рассуждений были производной его ранних поисков в области поэзии. Можно сказать иначе, я начал задумываться о том, насколько работа с текстами, со смыслами формирует сознание социолога.

Продолжая размышления на эту тему, в 2014 году я включил в короткий материал памяти Б.В. Дубина, социолога и выдающегося переводчика поэзии ряда эпох и культур письмо, написанное ему незадолго до смерти. Есть в нем такие слова: *«Анализ собранной информации позволяет мне с уверенностью говорить о биографичности творчества социологов, т.е. их построения, предмет исследований во многом определяются их до — или внесоциологической деятельностью... мне не кажется оригинальным этот «посыл», но изучение механизмов, кейсов биографичности представляется интересным...»*

По роду твоей переводческой деятельности ты, конечно, постоянно видишь эту биографичность в поэзии... а есть ли там, если говорить о серьезных авторах, еще что-либо кроме биографичности?» [1].

Сегодня, анализируя его биографию, мне хотелось бы сказать, что в своих переводах поэтов-философов и философов-поэтов Борису Дубину постоянно приходилось осваивать новые интеллектуальные высоты, ему необходимо было искать и сохранять диалог с властителем дум поколений. Только на тех высотах он начинал чувствовать свою независимость, свою свободу. Именно отсюда он рассматривал мир. За несколько лет до смерти он полностью погрузился в переводы, слишком тяжелы для него становились вынужденные спуски вниз.

В первом выпуске журнала «Телескоп» за 2009 год была опубликована моя беседа с Л.А. Козловой: «Телескоп» смотрит в прошлое», в которой подводились итоги сделанного по проекту. Там, по-видимому, впервые было сказано о биографичности: *«Прежде всего, это очерки о жизни социологов, которых я лично знал и которых мог наблюдать в разных жизненных ситуациях. В этом жанре сделаны статьи о жизни и творчестве Б.А. Грушина, В.Б. Голофаста, Я.С. Капелюша, Ю.А. Левады и Г.В. Старовойтовой. Кроме того, оказалось возможным «привнести» биографичность в такие работы, в которых она совсем не обязательно должна присутствовать. Укажу на заметки по поводу четырехтомника А.Н. Алексева, в котором представлен значительный отрезок его жизни, когда он работал станочником на заводе. Наконец, беседа с Б.М.*

Фирсовым о его книге об инакомыслии в СССР, пронизанной авторскими сюжетами» [2].

В 2011-2012 года шла интенсивная работа над книгой по истории советской социологии, опубликованной в 2013 году Европейским университетом [3]. В главе 9 «Подсказано жизнью» анализируются примеры биографичности творчества ряда социологов (см. ниже одноименный параграф), и, хотя этот термин используется в книге всего несколько раз, он присутствует в выводах этой главы: «Все рассмотренное позволяет если и не утверждать, то формулировать в виде гипотезы положение о биографической обусловленности творчества социолога [3, с. 378]. Во всем главным, что он делает, отражено, присутствуя прожитое и пережитое им.

В последующие годы началось изучение феномена биографичности, и в этой связи мне показалась интересной тема преемственности профессии социолога в советской / российской социологии, ибо здесь биографичность очевидна.

Сначала были беседы с В.А. Ядовым и его сыном Н.В. Ядовым, позже — с дочерью Николая Владимировича — Е.М. Ядовой; к тому же Владимир Александрович рассказал о работе в социологии его покойной жены Л.Н. Лесохиной. Одновременно были сделаны портреты А.Г. Здравомыслова и его дочери Е.А. Здравомысловой. Весьма интересен случай: исходно появилось интервью с В.Н. Ярцевой-Смирновой, затем с ее дочерью Е.Р. Ярцевой-Смирновой и ее мужем П.В. Романовым; достаточно скоро были добавлены рассказы о себе Е.П. Романовой (дочери Павла Васильевича) и Р.В. Кононенко — сына Е.Р. Ярцевой-Смирновой. Есть еще три пары: мамы с дочерьми: — В.В. Гаврилюк и Т.В. Гаврилюк, И.А. Григорьева и А.В. Дмитриева, М.А. Алесина и А.И. Алесина. Есть — мать К.Г. Барбакова и сын О.М. Барбаков, отец и дочь — Б.Г. Тукумцев и И.Б. Олимпиева; наконец, отец и сын — Р.С. Могилевский и О.Р. Могилевский. Назову также уникальный для истории «кейс» — беседу с Л.Г. Бызовым, в которой он рассказал о своем деде Л.А. Бызове — психологе, социологе и специалисте по организации труда 20-30-х годов. Наш разговор с Бызовым-младшим составил отдельную книгу [4].

Таким образом, собран значительный по объему материал по преемственности профессии «социолог». Что обещает его обстоятельное изучение? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии можно рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-наукovedческой природы.

Все сказанное выше, прежде всего, распространяется на личную биографичность, далее именно это вид биографичности и будет рассматриваться. Вместе с тем, оправданно говорить о поколенческой биографичности, т.е. о том, что в силу ряда обстоятельств свойственно всем или соседним когортам социологов и что разъединяет социологические поколения.

2. Биографичность в материалах проведенных исследований

Подсказано прожитым

Выше было сказано, что феномен биографичности творчества социологов привлек мое внимание в начале 2000-х годов, однако в книге «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» (2013 год), суммировавшей сделанное, термин биографичность встречается крайне редко, и в разделе, в котором фактически рассматривался этот феномен, говорилось о «подсказанном прожитым». Было не-

сколько обстоятельств, сдерживавших использование термина биографичность, и первым из них назову опасение перегрузить текст новыми терминами; их и без него было достаточно. И во-вторых, не было уверенности в существовании того атрибута социологического творчества, ради обозначения которого вводился термин.

Выражение «Подсказано прожитым» охватывает содержание термина биографичность, но оно несколько тяжеловесное и, возможно, в смысловом отношении перегруженное. Примеры проявления биографичности творчества социологов, приводимые ниже, рассматривались мною в названной книге. И хотя к настоящему времени многое прояснилось в понимании обсуждаемого феномена, я намеренно не изменяю названия двух ранее выделенных форм биографичности: «спонтанное рождение идеи» и «неотвратимость исследовательской темы». Сохраняется также и исходный текст (правда, он значительно сокращен), так точнее передается мое движение к освоению обсуждаемой темы.

Спонтанное рождение идеи

Для литературоведов и искусствоведов представляется естественным при изучении творчества писателей и поэтов, художников обращаться к истории возникновения замыслов их произведений.

Стефаном Цвейгом в его новелле «Гений одной ночи» описано рождение «Марсельезы». Настроение, нерв улицы вошли в эту песню и позволили капитану Руже де Лиль за ночь написать походную песню для Рейнской армии. Он вложил в нее патристические лозунги, печатавшиеся в листовках и газетах¹. Вскоре она стала гимном Франции. Анализируя наследие Льва Толстого, литературоведы обращают внимание на начало его повести «Хаджи-Мурат», в котором автор указывает, что ее сюжет сразу родился в нем, когда он, собирая букет цветов, заметил в канаве малиновый репей того сорта, который в той местности назывался «татаринном». Другая хрестоматийная история — возникновение у Василия Сурикова идеи картины «Меншиков в Березове». Однажды Суриков жил на даче под Москвой в простой крестьянской избе. Лето было дождливым, изба — тесной, с низким потолком. Было скучно, и художник стал вспоминать, кто так же сидел в такой избе. И сразу увидел композицию картины о князе Меншикове. Конечно, не размышлял бы ранее Суриков о судьбе «светлейшего князя», не знал бы устройства крестьянских изб в Сибири — не возник бы у него из-за хмурой подмосковной погоды образ будущей картины.

История естественных наук тоже дает немало описаний возникновения у ученых идей, позволивших им принципиально углубить понимание сложных явлений природы. К примеру, Б.М. Кедрову удалось проследить процесс открытия Д.И. Менделеевым его периодической системы химических элементов, а Д.С. Данин показал, как Нильс Бор мгновенно пришел к идее лестницы разрешенных уровней энергии атома.

Ценность подобных примеров для истории науки и науковедения заключается в том, что они раскрывают особенности креативных процессов и дают реальную картину того, как, казалось бы, из ничего произрастают новые научные концепции и методы. В памяти многих сохраняется след момента рождения идей, и обычно их появление запоминается как нечто пришедшее вдруг, как озарение. Если подобное случается в творчестве деятелей культуры и естествоиспытателей, то нет оснований допускать, что оно не знакомо социальным исследователям. Однако в отечественной историко-социологической литературе мне не приходилось встречаться с описанием случаев такого внезапного озарения.

Инсайт трактуется в психологии как интеллектуальное явление, суть которого в неожиданном понимании стоящей пе-

¹ См. Докторов Б. Леонид Кесельман. Человек и явление // Телескоп, 2019, №1, с.47-49.

ред человеком проблемы и нахождении ее решения. При этом подчеркивается, что это внезапное усмотрение сути проблемной ситуации открывается, достигается не в результате направленного, априори как-то очерченного анализа, но через мысленное и мгновенное постижение целого.

В процессе инсайта понимание проблемы сливается с личным опытом человека, переживающего это состояние. Все происходит, когда в сознании накопится критическая масса понимания и остро ощущается — в силу внешних или внутренних обстоятельств — необходимость в нахождении решения этой проблемы. В этот момент происходит «скачок сознания» — то, что когда-то, может быть, очень давно, возникло как смутное предположение, как отброшенная гипотеза, как нечто неясное и не вызывавшее интереса, вдруг становится очевидным и в высшей степени привлекательным. Внутренний конфликт сменяется ощущением исцеления. И это чувство порождает, чаще всего надолго, иногда — на всю оставшуюся творческую жизнь, серию действий, навеянных решением этой проблемы. Именно пережитый инсайт нередко и дает силы творческой личности.

Историко-научное исследование, включающее в себя изучение творчества ученых, в том числе анализ их биографий, должно охватить и рассмотрение возникновения идей, развитие которых занимало в их деятельности важное место.

Ниже рассмотрены процессы возникновения идей, надолго определивших направление научных поисков ряда советских/российских социологов. Происходившее как бы внезапно, почти «на ровном месте», в действительности было следствием предыдущих событий их жизни, а также накопления критической массы знаний и размышлений относительно стоящих перед ними научных проблем.

Б.А. Грушин: Концепция массового сознания

Изучение истории российской социологии возникло и стало оформляться в тот момент, когда некоторые положения методологии историко-научного исследования, включающего в себя активное использование биографической информации, были разработаны при изучении становления рекламы и опросов общественного мнения в Америке. В частности, тогда возникла необходимость направленного анализа всех обстоятельств, связанных с рождением идей, которые затем, в процессе творчества людей, испытавших озарение, претворялись в некий интеллектуальный продукт.

Мне повезло, уже в работе над первым биографическим очерком, его героем был Б.А. Грушин, я обнаружил случай творческого озарения ученого.

Я несколько раз звонил Грушину, чтобы уточнить ряд деталей и, когда я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу «Массовое сознание». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «Такая зелененькая». Я еще раз подтвердил, что все в порядке. Для меня, знавшего, сколько Грушиным написано и насколько глубокого он был тогда погружен в его «четырёхкнижие», эта его реакция была неожиданной. Но потом я смог сполна оценить значение этой «зелененькой» книжки для автора и лучше понять истоки многих его последующих работ.

Не всегда человеку удается сохранить в себе чувство удивления, пережитое им в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был зов. Грушин оказался готов к опознанию неизвестно откуда пришедшего — изнутри или извне? — сигнала и фиксации его в своем сознании. Вот как начинается указанная выше книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР.

Проматривал — в какой уже раз — очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не «в общем и целом», а, что называется, «слово в слово!» На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции, регулярно знакомившимся с читательской почтой. Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной, озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей — по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства — людей, которые, конечно же, никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса, домостроевский) тип сознания?» (3, с. 348). Затем следует абзац, объясняющий, что делалось Грушиным во все последующие годы, и прояснивший для меня выплеснувшуюся в приведенном выше телефонном разговоре его молниеносную реакцию. Абзац начинается словами: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой, рассматривая ее с двух аспектов: во-первых, в плане анализа непосредственных текстов самого массового сознания (проявляющихся прежде всего в суждениях общественного мнения), во-вторых, в плане изучения различных форм массового поведения людей (осуществляющегося, в частности, в сфере проведения свободного времени, досуга, в области культуры, находящего отражение в образе жизни)» (3, с. 348-349).

В.А. Ядов: Иерархия ценностей

Одним из первых моих респондентов был В.А. Ядов. После обсуждения с ним серии вопросов, относящихся к исследованию «Человек и его работа», мне показалось важным узнать, как возникла мысль о диспозиционной, иерархической теории ценностей. Вопрос в интервью звучал так: «Мы еще вернемся к «Человеку и его работе», но сейчас хочу спросить о том, как возникла идея диспозиционного подхода? Как произошел прыжок от «Человека и его работы» к этой теме?» Теперь приведу ответ Ядова [3, с.349].

«Расскажу подлинную историю «изобретения» диспозиционной концепции. Как было дело? Я очень интересовался «эффектом ЛаПьера», суть которого в том, что attitudes не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?» Респондент отвечает, но что из этого следует? На моем «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришел в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из военной терминологии (стратегия, тактика...). Метафора, уверяют психологи, — пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку². Ты знаешь, она социопедагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Леше Семенову³, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию. Лешка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе.

Он говорит: системы, хорошо, но они же разные. Есть открытые и закрытые, иерархические и проч. Что пишет В.А. Геладян, тогда — главный советский автор, который защищал кибернетику, в основном иллюстрируя Берталанфи примерами из эволюции живых организмов? В иерархических систе-

² Людмила Николаевна Лесохина (1928-1992) - жена В.А. Ядова.

³ Алексей Александрович Семенов (1947 г.р.), социолог, политик, многие годы живет в Эстонии.

мах, говорит Лешка, высшие уровни доминируют. Примитивный мозг лягушки позволил ей жить и в воде, и на суше. Рыба-дура не смогла так приспособиться. Может, ценностные ориентации личности эту доминирующую функцию в человеческом поведении и исполняют? Это был некий прорыв, и мы оба независимо друг от друга что-то набросали, а потом собрались всем сектором. Горячо обсуждали и в конце концов сочинили исследовательскую программу, которая легла в основу проекта «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности»».

Безусловно, существует множество причин того, почему в течение последующих четырех десятилетий никому из отечественных социологов или социальных психологов не удалось осуществить столь же многоаспектные поиски в области саморегуляции и прогнозирования поведения личности. В то же время можно назвать причины того, почему Ядову удалось это сделать. И одна из них — он пережил озарение. Оно не приходит к каждому, это и некая «награда», и «крест», который приходится нести. Внезапно пришедшая мысль становится импульсом к работе, порождает творческую активность, и одновременно она налагает на человека ответственность за ее реализацию. Ведь инсайт создает у пережившего его уверенность в верности «увиденного».

С.В. Чесноков: Детерминационный анализ

На рубеже 1960-1970-х гг. физик-теоретик С.В. Чесноков начал работать в социологическом коллективе Б.А. Грушина. Он обратил внимание, что социологи используют многочисленные коэффициенты связи, но, по его мнению, это отражало не развитость науки, а проблемы в понимании природы статистической связи. Далее произошло следующее.

«Хорошо помню, то был февраль 72-го года. За несколько месяцев до того Виктор Яковлевич Нейгольдберг (один из ближайших сотрудников Б.А. Грушина, — БД) попросил посчитать таблички. Я спросил, что ему нужно, что его интересует. Он подчеркнул клеточки, где был высокий процент по строке или по столбцу. «Вот это особенно интересно. Можно предсказывать поведение». И вдруг все наложилось и сошлось. Коэффициент корреляции для подсчета требует чисел. Но идея связи для своего выражения принципиально в числах не нуждается. Значит, должен быть какой-то способ анализа связей без замены слов числами» [3, с. 353].

Какой? Ответ указал красный карандаш Нейгольда. По словам Чеснокова, он был для него сродни яблоку Ньютона. Увидев проценты, подчеркнутые красным карандашом, он понял, где разгадка проблемы, над которой думал три года. За отправную точку анализа связей следовало принять статистический детерминизм. Отклонение от статистической независимости становилось мерой существенности факторов. Коэффициент корреляции? Он больше не нужен.

Оставалось придать строгой математическую форму вычислениям процентных долей и их приращений в строках и столбцах многомерных таблиц сопряженности. Тех самых процентов, которые в эмпирической социологии были и будут всегда. Простая формула быстро нашлась.

Теперь процитирую воспоминания Чеснокова.

«Я обрадовался. И тут же меня охватил ужас оттого, что все слишком тривиально. Это было и радостно, и страшно одновременно. Страшно потому, что предстояло выглядеть человеком, который утверждает, что тривиальные, всем известные вещи, хоженья-перехоженья, содержат нетривиальный смысл. Люди этого не любят. Поначалу, во всяком случае. Потом говорят, что и так все было ясно. Радостно, так как глубокий смысл в действительно простых вещах — необходимое условие науки. Правильная наука всегда начинается с простых вещей» [3, с. 354].

Вот из таких соображений через несколько лет возник детерминационный анализ, который уже многие годы развивает-

ся Чесноковым и его последователями. При работе над книгой по истории советской социологии я попросил Чеснокова прокомментировать все произошедшее. Приведу фрагмент его письма.

«Пережитое у Грушина стало для меня сильнейшим потрясением. Оно позволило мне понять и поддерживать внутреннюю логику того, что происходило в моей жизни в течение последующих сорока лет» [5].

Неотвратимость исследовательской темы

Иногда обнаруживается удивительное постоянство человека в следовании какой-то цели. Отчасти эта цель осознаваемая, и исследователь планомерно стремится к ее достижению; отчасти она неведома ему, она сама притягивает его. В одних случаях это движение достаточно гладкое, почти непрерывное, в других — скачкообразное, прерывистое. Но в любом случае можно говорить о некоем пространстве, возникшем, сформировавшемся на пересечении биографического, общепрофессионального и макросоциального полей, в котором развивается жизнь и творчество социолога.

Чтобы избежать использования слова «рок» при рассмотрении этой формы биографичности, я говорю о «неотвратимости исследовательской тематики» в творчестве конкретного ученого.

Рождение экономической социологии

Книга В.В. Радаева о становлении экономической социологии в России [6], открывается беседой с Т.И. Заславской, признанным основателем экономической социологии в России. Из ее рассказа следует, что это направление возникло на базе исследований социальных механизмов развития экономики, проводившихся ею с группой коллег. Сам термин «экономическая социология» — результат поиска названия курса, который надо было читать студентам.

Беседа Радаева состоялась в феврале 2002 года, но ее текст я прочел уже в книжке, подаренной им шестью годами позже. Знал бы раньше, возможно, не задал бы Заславской в моем интервью следующие вопросы: «Как бы Вы объяснили генезис Новосибирской экономико-социологической школы? От чего Вы отталкивались? Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: «Дай-ка я создам экономическую социологию?». Приведу ответ Татьяны Ивановны:

«А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии; в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы. А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен был какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р.В. Рывкиной, как главные кураторы специализации, стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать экономическую социологию. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла» [3, стр. 25].

Здесь представлено нечто сходное с озарением, порожденным взаимоналожением размышлений Заславской и Рывкиной о том, какой курс предложить студентам и как его назвать, и стремлением Заславской отреагировать на предложение Аганбегяна, от которого нельзя (или трудно) было отказаться. Но скорее всего, в этом случае мы наблюдаем не рождение абсолютно новой, неожиданной для Заславской идеи, а появление мощного стимула к синтезу всего накопленного ею в области изучения социально-экономических проблем общества. Мои беседы с Заславской, знакомство с ее мемуарами показывают, что ее работа над лекциями по экономической социологии была естественным развитием не только ее профессио-

нальной деятельности, но и ее жизни, жизненной позиции.

Имеющаяся информация позволяет прорисовать продолжительную траекторию движения Заславской к тому моменту, когда ей уже нельзя было не сконцентрироваться на создании экономической социологии, все развивалось неотвратимо. Начиная нашу беседу, я спросил у нее: *«Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство»* [3, с. 359]. Ее ответ указывает начало этого движения.

Исходное, по мнению Заславской, то, что ее отец родился в деревне. Хотя он в 13 или 14 лет переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 году родители впервые отправили ее с сестрой в деревню к папиной двоюродной сестре, и они неожиданно почувствовали себя в совершенно родной среде. Учили деревенские песни и частушки и в целом были абсолютно счастливы. Именно тогда она впустила деревню в свою душу, полюбила.

После школы, которую Таня Карпова (после замужества в 1952 году — Заславская) закончила с золотой медалью, она пошла на физический факультет МГУ, решив следовать путем своего деда-физика. Училась на отлично, тем не менее к третьему курсу ее стали одолевать сомнения относительно верности избранной профессии. Она чувствовала, что физика — не ее предмет. В конце августа 1945 года, накануне учебного года, ей приснился сон, который она записала в своем дневнике и более чем через полвека упомянула в мемуарах. Ей приснилось, что ее исключили с физфака, и она не посчитала этот сон пустым. На третьем курсе студенты начали изучать политэкономиию капитализма, эта тема ее заинтересовала, а ее доклад на семинаре группы был прокомментирован преподавателем А.В. Саниной следующим образом: *«Послушайте, что она у вас здесь делает? По-моему, ее место не на физическом, а на экономическом факультете!»* [3, с. 360]. И это было произнесено в то время, когда Таня Карпова старалась понять, где же именно ее место. В мемуарах Заславской есть такое замечание: *«Конечно, я понимала, что слова Саниной были только шуткой, но я восприняла эту шутку как момент истины: «Так вот где мое настоящее место, которое я так долго искала!»»*.

Зная, что некоторым людям свойственно в состоянии сна видеть некие образы, которые потом сбываются, я спросил Заславскую в одной из личных бесед: *«И последний вопрос — в силу моего интереса к теме судьбы... В мемуарах Вы пишете о вещих снах из своего далекого прошлого. А позже Вы получали подобные сигналы о предстоящих поворотах в жизни? Некоторым людям дано разгадывать знаки судьбы, большинство же их проскакивает...»* Она ответила достаточно подробно, отметив при этом, что на протяжении жизни у нее было около десятка необычных снов.

Представляется, что и «вещий сон», и рефлексия по поводу слов преподавателя, которого она, можно сказать, боготворила, были своего рода личностным озарением. Преодолев массу трудностей самого разного плана, Заславская перешла после окончания третьего курса физфака на второй экономический. И это уже был выбор на всю жизнь.

Драматическая социология

Осуществленное А.Н. Алексеевым в 1980-1988 гг. исследование невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [7, 8]. Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким; но его потенциальная читательская

аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

В начале 1980-х гг. ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом успешного журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это не был вынужденный акт, скорее — собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, позволявшего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного — прочувствованного — осознанного стало ядром его повествования.

Исходно наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя эти взаимоотношения, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» множество форм поведения рабочих, противоречивших стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду»: разрешенные и отчасти даже поощряемые руководством нарушения трудового законодательства; пьянки «с умом» на рабочем месте; «халтура» по-рабочему, т. е. не плохая работа, а, наоборот, сделанная при минимуме трудозатрат и выгодная себе и производству; «партизанщина» — самовольное нарушение технологии; искусственное сдерживание роста производительности труда; и многое другое.

Поначалу то, что им делалось, относилось к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию проекта. Как говорится, в один прекрасный день на квартире Алексеева был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все дневники, письма, материалы наблюдений владельцу не были возвращены — их передали в органы госбезопасности. Начались встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых пытались найти подтверждение его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов. Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, но ничего из того, что обычно представляет интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевшего был дан ответ: все совершено тринадцатилетним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, открывая перед ним бесконечные возможности для наблюдений и обобщений. О них он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Его обвиняли в пренебрежительном отношении к советской науке, рабочему классу, в проведении социологических исследований политически вредного характера и распространении клеветнических материалов на советскую действительность. Вскоре его исключили из партии. Далее свои ряды от него «очистили» Союз журналистов, членом которого Алексеев был свыше двух десятилетий, и два других профессиональных объединения: Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно фокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными системными образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений».

Красугольным элементом методологии Алексеева, позво-

лившей ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им новая разновидность социологического метода наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее, наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новшество Алексева — *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования». В этом случае наблюдатель становится активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так, по Алексеву, урядное становится *моделью* общего [7, т. 1, с. 179].

Эта «процедурная» добавка, точнее социологическое действие, превратила участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и принципиально изменила логику исследования. На смену наблюдению с целью познания пришло познание через действие, или познание действием. Социолог выступает уже не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы». Отсюда и возник термин, которым Алексей характеризует свой подход, — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Приведенные выше рассказы социологов о возникновении предметно-объектных характеристик их многолетних поисков оправдывают название данной главы — «Подсказано прожитым». Но это лишь часть того, что присутствует в собранных материалах о зарождении исследовательских замыслов ученых. Помимо этого, во всех рассмотренных случаях воспоминания относятся ко времени профессиональной работы моих собеседников. Однако есть в интервью и примеры «подсказок», импульсов, которые запомнились опрошенным с донаучного периода их жизни. Подобные «толчки» были «уловлены», восприняты ими на ранних фазах социализации и разбудили в них множество интересов, позже осознанных как своеобразный «звон профессии».

В беседе с Яковом Ильичем Гиляниным, многие годы отдавшим изучению девиантного поведения, меня интересовало, почему при выборе профессии он остановился на юриспруденции. Приведу фрагмент его ответа: «*Еще в школе прочитал Канта, Спинозу, древнегреческих философов, александровскую Историю философии (позднее разгромленную А.А. Ждановым) и многое другое. У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?»* [3, с. 164].

Романтично описывает начало пути к профессии историк и социолог Владимир Иванович Ильин: «*Мое профессиональное самоопределение произошло еще до школы. Родители любили исторические романы и читали их мне на ночь. Где-то лет в шесть я нашел в нашем дворе (территория нынешнего Ейска входила до конца XVIII века в Крымское ханство) большую турецкую монету. Я ее воспринял как чудо, уносящее меня в фантастическую древность, где носились татарские орды, схлестываясь с русскими витязями. Все школьные годы она была для меня источником вдохновения. Я регулярно держал ее в руках, буквально подпитываясь ее таинственной энергетикой. И еще до школы мечтал стать историком* [3, с. 377].

Трагические реалии военных лет привели в философию Андрея Григорьевича Здравомыслова: «*Родился я в 1928 году, и*

это означает, что 22 июня 1941 года мне исполнилось 13 лет. Как и у большинства сверстников, с началом войны закончилось мое детство. Отец и маленький братец погибли от голода в блокаду. Бомба в 500 кг весом разрушила дом, в котором мы жили. Мы были эвакуированы из Ленинграда по льду Ладожского озера в феврале 1942 года. Но голод не прошел бесследно. Блокада оказалась вписанной в мое тело. С 1944-го по 1948 год я пролежал в больнице с туберкулезом позвоночника. Там я окончил школу и поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ: опыт болезни располагал к философствованию о смысле жизни» [3, с. 378].

Выше 100 интервью с российскими социологами и вопросы методологии историко-биографического исследования рассмотрены в моем 9-томном электронном издании: «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» [9], так что существует интересный материал для продолжения анализа феномена биографичности.

Все рассмотренное позволяет если и не утверждать, то формулировать в виде гипотезы положение о *биографической обусловленности творчества социолога*. Этот вывод распространяется не на все, что делается ученым, ведь многие его проекты, начинания — проходные, но в главном всегда отражено, присутствует пережитое им. Не стоит абсолютизировать данный вывод — не только *биографический* фактор детерминирует стиль и характер деятельности социолога, тематическую направленность его исследований. И все же, думаю, многие согласятся с тем, изучение творчества социологов невозможно без пристального анализа их биографий.

3. «Принцип Алексева». Импульс, начало и возвращение

Выше была сделана попытка рассмотреть феномен биографичности творчества социологов на базе проведенных с ними интервью. В моем понимании, работа с такого рода данными позволяет обнаружить факты детерминированности исследовательской деятельности социолога разными событиями его жизни, однако, вне анализа остаются многие обстоятельства самих механизмов такой детерминации. Для их изучения требуется более тонкий инструмент, чем беседа, нацеленная на получение информации для макро исторического анализа прошлого советской / российской социологии, для исследования прошлого на уровне поколенческого строения нашего профессионального сообщества. Здесь необходимы либо глубокие личные интервью, либо достаточно подробные, детально прописанные мемуары.

Есть еще один метод — обращение к своей собственной памяти, к дневникам и иным носителям информации о былом, своего рода «эксперимент на себе». Отчасти этот маршрут мне знаком. Мне приходилось последовательно рассказывать о себе Н.Я.Мазлумяновой, Б.М.Фирсову, В.А. Ядову и Е. Ю. Рождественской, кое что я сам вспоминал и записывал, но все это — описание опыта прожитого в виде процесса, или хронологически упорядоченной серии происходившего со мною, чем отыскание в прошлом истоков исследовательских линий последних лет. В силу разных причин не было установки на отслеживание переходов от наблюдавшегося, переживавшегося ранее к историко-наукоеведческим поискам последних 15-20 лет. В частности, сдерживало то, что моя эмиграция в достаточно взрослом возрасте и статусе уже сложившегося исследователя, а затем несколько лет, ушедших на освоение новой жизни, сделали мою жизненную историю достаточно уникальной, и поэтому не дают материала для широкого толкования природы и механизмов биографичности. При этом, конечно же, я понимаю, что каждая жизненная история уникальна.

И здесь мне помогло то, что я хотел бы назвать «принципом Алексева», имеется в виду максима А. Н. Алексева: «Собственная жизнь может быть полем включенного наблюдения». А.Н. Алексей своей драматической социологией доказал, что «лич-

ное» никогда не остается замкнутым, приватным, в нем отражается все множество связей человека с миром. Таким образом, «принцип Алексева» рассматривается мною как методологическое обоснование правомерности анализа собственного жизненного опыта для иллюстрации биографичности творчества социологов.

Более того, на практике это методологическое положение становится и своего рода психологической опорой, поддерживающей воспоминаний, оно подавляет страхи, неудобство рассказа о себе.

К настоящему времени мною написано около полутора десятков текстов, связывающих факты биографии с различными аспектами вхождения в профессию и выбора исследовательских тем. Здесь приводятся три из них, касающиеся ключевых моментов моей профессиональной деятельности.

Импульс. Поездка на Ржевку с Евгением Гамалеем

То, что случилось со мною вчера, 29 декабря 2018 года около 5 часов вечера по Восточному (Тихоокеанскому) времени США, иначе, чем чудом не назовешь. Речь идет о встрече в Интернете с дорогим мне человеком, которого я всегда помню и давно ищущу. Так случилось, что он во многом определил мою жизнь. Этого он не знал до моего вмиг написанного ему в Австралию письма.

Там в то время было 2 часа ночи, и начались мои ожидания ответа. И мои сомнения: тот ли электронный адрес? Насколько регулярно он проверяет почту? Помнит ли он меня? И другие сомнения... Утром я не хотел вставать: вдруг ответ так и не пришел... Пришел... ясный, четкий, оптимистический... и это через 60 лет...

Есть документы, подтверждающие, что о влиянии этого человека на мою жизнь я говорю давно, что это не моя современная выдумка. Впервые я рассказал эту историю Наташе Мазлумяновой в интервью 2004-2005 гг. [9, т.3, с. 307-308] Вот этот фрагмент:

«У меня были, если были вообще, самые смутные представления о математике и о том, кем я буду. Но летом 1959 года, когда выбор был сделан, и осталось «лишь» сдать вступительные экзамены, случилось то, что во многом повлияло на мои интеллектуальные интересы. Ряд лет мама сдавала меньшую из наших двух небольших комнат двум студенткам. К одной из них приехал из Москвы ее будущий муж, выпускник МГУ, физик-ядерщик. Было жарко, и мы с ним поехали купаться на Ржевку, тогда это был пригород Ленинграда. Трамваем добирались долго, возможно, около часа в одну сторону... По дороге этот молодой физик рассказал мне о двух книгах. Первая — «Что такое жизнь с точки зрения физики?», написанная Эрвином Шредингером, выдающимся физиком XX века. Вторая книга — «Эварист Галуа. Избранник богов», ее автор — физик Леопольд Инфельд, работавший с Эйнштейном. Поступив в университет, я сразу отыскал в библиотеке эти книги и в течение ряда лет многократно их перечитывал. Книга Шредингера, физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. И еще — она познакомила меня с позитивизмом, это была моя первая встреча с философией. Вторая книга — о гениальном математике Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Возможно, эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых, к истории науки».

В беседе с Мазлумяновой я осознанно не назвал имени этого человека, я ничего не знал о том, как сложилась его жизнь, профессиональная деятельность. Я тогда искал его в Интернете, искал позже, искал в 2016 году, когда подробно описывал прожитое в беседе с Е.Ю. Рождественской [9, т. 9, с. 80], там я уже назвал его имя. Теперь я задумал написать нечто для серии об использовании принципа Алексева и о биографичности

социологического творчества, уже придумал заголовок... и решил еще раз посмотреть в сети.

И о чудо! Я сразу нашел материал о физике, докторе наук Евгении Георгиевиче Гамалее [10], посмотрите, очень живые, интересные воспоминания. Там сказано, что сейчас он живет в Австралии, нашел в Австралии его CV, естественно, с электронной почтой.

Я ни минуты не сомневался в том, что нашел именно Женю (все прошедшие годы он живет в моем сознании только под этим именем), слишком много в его воспоминаниях того, что помнил и я. И фото. Я еще не читал, но по фотографии сразу узнал его... И уже пишу ему:

«Дорогой Женя, в это невозможно поверить... это — чудо.

Смело пишу «ты», иначе не могу... Я ищущу тебя годы, десятилетия. Я не могу ошибиться... я не знал твоего отчества, но помнил, что ты закончил физ-фак МГУ в 1958-59 годах. И я помнил, что после МГУ тебя направили под Челябинск. Я тебя сразу узнал на фото.

<...> Я множество раз шурувал в Интернете, но вот сегодня, когда начал писать эссе о том, что именно ты определил мою профессиональную траекторию, решил еще раз заглянуть...

Бесконечно рад... не иначе, как Новогоднее чудо.

Боря»

И утром следующего дня — новая радость. Письмо — большое, приведу лишь фрагменты:

«Дорогой Боря,

Воистину чудо! Очень рад. Конечно, я тебя хорошо помню. <...> «Помню твою маму. У нее я впервые (в 21 год) прочел Библию, и она водила меня в ее библиотеку и показывала оригиналы эскизов декораций Бакста и других. И учила меня, добродушно посмеиваясь, правильным ударениям, приговаривая: «Женя, Вы такой интеллигентный мальчик и...» явно преувеличивая оную».

Рассказав пунктирно о своей жизненной одиссее, Женя отметил: «Боря, одного не могу понять, как это я в том зеленом виде мог что-нибудь определить. Что у меня тогда точно было, как я сумел определить при помощи Мандельштама гораздо позже, это «тоска по мировой культуре». Прочитать твоё эссе было бы очень интересно. И переписываться мне было бы интересно (я корреспондент аккуратный)».

В трамвае Женя рассказал мне о работе Шредингера, не много об Эваристе Галуа и теории групп, что было известно физикам-ядерщикам, и что было абсолютно новым и даже таинственным для меня. К тому же он был на несколько лет старше меня и уже окончил МГУ, я же лишь определялся со своим будущим. Уверен, если бы не та поездка на трамвае, мои интересы развивались бы иначе. И многое в жизни было бы иным.

Всему начало — встреча с Олегом Калининным

В серии материалов, трактующих, иллюстрирующих понятие биографичности творчества социологов, этот рассказ должен занимать одно из первых мест или замыкать этот ряд. Среди первых, поскольку в нем идет речь о начальной точке моей профессиональной траектории. Среди завершающих, т.к. все многообразие векторов движения сквозь разные науки и предметные области, в которых я оказывался, сходится в той — как бы исходной -точке.

В 1959 году, сразу после окончания школы я поступил на математико-механический факультет Ленинградского Государственного университета. Меня тогда интересовала кибернетика, и мне казалось, что хорошее знание математики и, особенно, механики позволит мне в будущем работать в области кибернетики, участвовать в создании роботов.

Так получилось, что, прочитав о поступлении в университет, я не прочел объявление о том, что, желающие заниматься на отделении механики, должны пройти собеседование. Не пришел, не прошел и, соответственно, был зачислен в одну из математических групп. Я ничего не потерял, даже выиграл, но

мечта о кибернетике не отступила. Читал специальную литературу, ходил на лекции по основам кибернетики в Центральный лекторий и думал о переходе после третьего курса на отдельные механики.

Мое движение к кибернетике я прокладывал самостоятельно, и проходило оно в весьма широкой области, которую я сам определял интуитивно. Читал работы Винера и Эшби, посещал на мат-мехе семинар по «теории автоматов». И на втором или третьем курсе, узнав о том, что доцент Веккер читает по вечерам на философском факультете курс «Человек и машина» (примерное название), я начал его слушать. Я не мог тогда знать, что Лев Маркович Веккер (1918-2001), вернувшийся из «ссылки» в Вильнюс, в будущем профессор ЛГУ и Вашингтонского университета Джорджа Мейсона, будет признан одним из создателей современной теории психических процессов. Не думал я тогда, что то был мой первый небольшой шаг в сторону психологии, а затем — социологии.

Не мог я проскочить мимо академического журнала «Проблемы кибернетики» и, скорее всего, в нем открыл для себя труды по биомеханике тогда опального Николая Александровича Бернштейна, выдающегося физиолога, психолога, создателя биомеханики. Это была, во всяком случае я так понимал, кибернетическая модель поведения человека. На меня все прочитанное произвело настолько сильное впечатление, что по собственной инициативе (наверное, я тогда учился на третьем курсе) написал свою первую «научную» статью и отдал ее в матмеховскую стенную газету. Моя заметка приглянулась недавнему выпускнику факультета Олегу Калинину, который пригласил меня поговорить. Кто знал, что эта встреча станет одним из определяющих событий в моей профессиональной жизни? Пожалуй, в жизни — в целом. Мы оба были молодыми, поначалу я подумал, что передо мной старшекурсник, и по привычке сразу начал «тыкать».

Мне в жизни крепко повезло на знакомства с интересными, самобытными людьми, богатыми натурами, но началось все с Олега Михайловича Калинина (1937 г.р.). Он был нестандартен во всем. Во взглядах на роль математики в познании мира, в понимании многих космических явлений и закономерностей микромира, он стремился к синтезу многих собственно математических построений, законов физики и открытий в различных разделах биологии и медицины.

Я продолжал учиться на отделении механики, но все более погружался в биометрику. Формально мы никак не были связаны с Калининым, меня интересовала теория движения гироскопа (волчка), классическое и одновременно активно развивавшееся направление математического анализа, и потому даже курсовые работы я не мог делать под его руководством. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций.

Постепенно к нашим беседам с Калининым присоединилось еще несколько человек, и в 1963 году сложился «Биометрический семинар», находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались несколько раз в неделю и говорили до ночи. Так сформировался круг моих интересов — математические методы биологии. Прежде всего, приемы измерения корреляции, работы Роналда Фишера и Карла Пирсона. Во второй половине 1960-х, уже после окончания матмеха, я стал отходить от семинара, но ядро понимания науки, философии науки сформировалось именно там.

Я написал «вне сетки», но точнее было бы сказать — на полноту подпольный. Существование семинара не было тайной для руководства факультета, но сама биометрика (или биометрия) относилась к сомнительным наукам, так как не вписывалась в мичуринско-лысенковскую биологию. В СССР после войны имена основателей этой науки — Фрэнсиса Гальтона и Карла Пирсона ассоциировались с нацистской практикой «расовой гигиены». К тому же советские философы постоянно повторяли слова В.И. Ленина о том, что Пирсон был «честным

врагом материализма» и последовательным махистом.

Меньше всего Биометрический семинар был «междусобойчиком», несмотря на молодость, Калинин обладал удивительной способностью находить людей с уникальными судьбами и достигать с ними высокого взаимопонимания, дружбы. Причем, зачастую это были не математики, а представители других профессиональных сред.

Первым, наверное, стоит назвать видного советского биолога А. А. Любищева, человека энциклопедических знаний, статистика и глубокого нетрадиционного философа, две книги которого недавно изданы в серии «Философы XX века». На семинаре делали сообщения биолог А. А. Малиновский, сын известного экономиста, философа и биолога, создателя «Тектологии» А. А. Богданова, генетик Р.Л. Берг, биологи П.Г. Светлов и К. А. Бреев, историк и географ Л.Н. Гумилев, медики М. Б. Тартаковский, Ю. Л. Нуллер.

К тому времени я уже прочел книгу Эрвина Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики», Калинин подарил мне фундаментальную книгу К. Вилли «Биология», изучил и ряд других книг по генетике и эволюционизму, но, естественно многого не понимал в выступлениях этих крупных ученых. Здесь рецепт один: записывай, а затем подумывай. Легко понять, что одновременно семинар был школой научной этики и уроками философии науки.

В известной книге Даниила Гранина «Эта странная жизнь (Документальная повесть об А. А. Любищеве)» есть описание научного заседания памяти Любищева: *«Я сидел в большой уютной аудитории. Голая лампочка резко освещала седины и лысины, гладкие зачесы аспирантов, длинные лохмы и модные парики и курчавую черноту негров. Профессора, доктора, студенты, журналисты, историки, биологи... Больше всего было математиков, потому что происходило это на их факультете — первое заседание памяти Александра Александровича Любищева»*. Это был наш Биометрический семинар, действительно, заседали мы не в очень комфортных условиях, но мы этого не замечали. Иногда мы собирались в квартире Калинина на проспекте Мориса Тореза, он приглашал «на рюмочку чай». Конечно, был и «чай», но прежде всего то были неповторимые, познавательные встречи с мудрыми, много видевшими и пережившими людьми.

Кратко масштабы деятельности Любищева задаются такой статистикой: *«Объём архива превышал 2000 печатных листов. Из них 400 л. составляли рукописи неопубликованных работ, 800 л. — конспекты с комментариями и критические заметки, более 600 л. — переписка, 200 л. — дневники. Систематизируя работы по темам, мы выделили 12 разделов: прикладная энтомология, математическая биология, систематика, теория эволюции, общая биология, критические работы о положении в биологии, общие вопросы науки, философия, история, литература и искусство, мемуары, разное. Конспекты и заметки были переплетены в 56 томов с различными названиями. Переписка составляла 28 томов, содержащих около 5000 писем АА и его почти 700 корреспондентов за последние 50 лет жизни. Дневники, занимавшие 8 томов, включали не только ежедневные записи, но также периодические планы и отчёты»* [11].

По окончании университета я получил специальность «механика», но дипломное исследование выполнял под руководством Калинина на кафедре теории вероятности и математической статистики. Я занимался одним из статистических методов распознавания образов — дискриминантным анализом, и областью применения моих моделей была классическая задача биологии — определение различий двух близких видов животных. В моем случае это были блошки, которые изучал А. А. Любищев. Он постоянно жил в Ульяновске, но нередко приезжал в Ленинград к дочери — Евгении Александровне Равдель. При работе над дипломом я пару раз бывал у них.

Калинин передал мне копии двух препринтов статей Люби-

щевца, опубликованных в 1969 году в «Журнале общей биологии»: «Об ошибках в применении математики в биологии. I. Ошибки от недостатка осведомленности» и «Об ошибках в применении математики в биологии. II. Ошибки, связанные с избытком энтузиазма». Не сложно понять, что и логика статей, и их выводы сохраняются при замене «в биологии» на «в социологии». Когда в начале 1970-х я разрабатывал некоторые вопросы измерения в социологии с позиции метрологии, мне были полезны эти публикации Любищева.

В 2013 году я представлял результаты своих исследований в Европейском Университете в Санкт-Петербурге, и неожиданно для меня туда пришел Олег Калинин. Мы не виделись более четверти века, но взаимопонимание сохранилось. В своем отношении к научной работе я остался его учеником.

Сегодня я часто вспоминаю Олега и совсем по иному поводу. Когда мы познакомились, он жил — пережил там и годы блокады Ленинграда — в известном не только для жителей Петербурга «доме Мурузи», на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля. На одной лестнице с ним жил Иосиф Бродский, стихов которого мы в ту пору не читали и которого Олег там никогда не встречал. Однако сейчас, перечитывая Бродского, творчество которого мне очень близко — одно поколение, память об одном городе, о Васильевском острове и ленинградской осени — я нередко возвращаюсь на ту лестницу, особенно, перелистывая «Полторы комнаты».

Забавная деталь. Мы «семинарили» в то время в полуразвалившемся здании Меншиковского дворца, где в ряде помещений размещались лаборатории Вычислительного центра ЛГУ. А значительно позже я узнал, что в те же годы в том же здании находилась первая в СССР социологическая лаборатория, созданная В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым. Наши дороги пересеклись несколько позже, но именно благодаря мат-меху.

Скорее всего, в 1963 году на семинар зашел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в те годы (хотя в 20-е годы он был известен) для советских психологов математический метод — многомерный факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, все же прослушал курс лекций Веккера, Калинин предложил мне помочь Палею. От биологии и медицины я «соскользнул» в психологию. Немного овладев широко использовавшимся тогда языком АЛГОЛ-60, написал программы для обработки информации и, следуя логике Биометрического семинара, начал с Палеем обсуждать результаты расчетов. Тогда я понял, что математика действительно позволяет увидеть и измерить то, о чем без нее можно лишь догадываться или что вообще скрыто от аналитика. К тому времени я уже многое прочел и знал об эвристической силе математических моделей, но здесь впервые убедился в этом на «своем материале».

Все же непросто наш коммуникационный мир. Вторую половину 1970-х и в предперестроечные годы мы вместе с А.Н. Алексеевым работали над проектом «Социология и театр» и встречались еженедельно. Говорили о социологическом изучении театральной жизни, но не только. Однако ни разу наш разговор не коснулся А.А. Любищева и его трудов. Алексеев сохранил и включил в нашу электронную книгу «В поисках адресата» [12] мое письмо от 6 марта 2006 года, в нем я писал, что уже в первом томе его «Драматической социологии и социологической рефлексии» встретил фамилию Любищева, с которым в далекой молодости меня познакомил Олег Калинин.

Выше я отметил, что, следуя принципу Алексеева, подробно анализировать, как биография влияет на творчество социолога. Вспоминая уроки О.М. Калинина и работу Биометрического семинара, я не мог пройти мимо фигуры А.А. Любищева, своими биологическими исследованиями и своей философией мира во многом определившего содержание и дух этой «школы» применения статистики в биологии. Но здесь оказалось, что и А.Н. Алексеевым — заметно позже, чем Калинин — Любищев признавался в качестве одного из своих учителей.

В 2000 году он писал: «Уроки Любищева, извлекаемые нами сегодня, это уроки мысли, жизни и общения (диалога)». Таким образом, утверждение Алексеева: «Собственная жизнь может быть полем включенного наблюдения» в известном смысле является примером распространения научной логики наблюдения в естествознании на почву социологии.

Сэр Джон Темплетон и мое возвращение в профессию

2011 году в небольшой статье «Шесть тысяч дней другой жизни» [9, т. 3, с. 380-400] и пятью годами позже в обширном интервью Елене Юрьевне Рождественской «Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке» [9 т. 9, с. 65-152] я попытался рассказать о том, как в 1994 году переехал в США и как там складывалась моя жизнь. Первые годы были драматическими, мне и, наверное, моим друзьям, казалось, что я окончательно «спекся» и в науку не вернусь. Но во второй половине 1998 года, т.е. два десятилетия назад, состоялась серия событий, позволивших мне вернуться в российское социологическое сообщество.

Свыше тридцати лет я веду дневник, в котором практически ежедневно кратко записываю происходящее. 30 апреля 1994 года, в день приезда в Америку я непроизвольно помимо даты отметил: «Первый день в США», в таком режиме пошло и дальше. В середине декабря этого 2017 года было уже 9000 американских дней. Таким образом, хронология повествования документальна.

Буквально через несколько дней после приезда я узнал, что моя невестка занимается базами данных в компании Franklin Templeton Investments, штаб-квартира которой располагалась в 20 минутах неспешной ходьбы от нас. Я смутно представлял, что такое Investments, в России уже существовали первые инвестиционные компании, и было ясно, что речь идет об организациях, финансирующих те или иные бизнес-проекты. Поначалу я думал, что Франклин Темплетон — это имя и фамилия человека, имеющего отношение к рождению данного Фонда, но оказалось, что это не совсем так. Бенжамин Франклин, политик, экономист, один из отцов-основателей США. Относительно слова «Templeton» невестка сказала, что это фамилия одного из основателей компании и ее президента. И с этим уровнем знаний (или неведения) я оставался достаточно долго. Я не знал, что будет дальше...

После года жизни в Америке мы автоматически стали резидентами штата Калифорния, и кто-то подсказал нам, что теперь мы можем бесплатно обучаться в местном колледже — College of San Mateo (SMC). При регистрации надо заплатить \$1, но если студент действительно проучился семестр, то он мог получить этот доллар обратно. Образование у моей жены и меня было предостаточно, но в силу многих причин мы решили поучиться, тем более, что в колледж от нашего дома шел автобус, и весь путь занимал не более получаса.

19 мая 1995 год (382-й день американской жизни) мы с женой приехали в SMC, помню наше напряжение. Но беседа прошла весьма дружелюбно и, пройдя все вступительные тесты, мы осенью начали обучение. Моей жене пришлось через год оставить колледж, а я, преодолев многочисленные жизненные барьеры, 2 июня 1999 года, т.е. почти через четыре года закончил обучение и стал обладателем американского образования. Прошло 20 лет, и сегодня я ни секунды не сомневаюсь в том, что решение учиться в колледже было верным. Прежде всего, я избавил себя от «пустого» времени и вздохом о том, «как было». Во-вторых, у меня было время для знакомства с разными сторонами американской повседневности, я учился общению с представителями разных социальных общностей. В-третьих, многое мне дали два курса английского: «Critical Thinking» и «Academic Writing». С тех пор я пишу только так, как меня тогда научили.

Еще одно важное приобретение: я пришел в колледж с са-

моощной «ниже плинтуса», а закончил — с ощущением того, что мне удалось все же «приподняться». В начале августа 1996 года (после 800 американских дней) я случайно прочел объявление о том, что студенты, специализирующиеся по Business Administration, что и было моим направлением, имеют возможность воспользоваться специальной программой финансовой поддержки, которая представлялась успевающим студентам государственным Центром. Я удовлетворял всем их требованиям и готов был учесть предложения Центра о составе изучаемых предметов, потому получил этот грант и старался не подвести доверивших мне людей. Кончилось тем, что в августе 1997 года я получил высшую награду Центра — звание Alumni Super Star. Это были бронзовая настольная звезда и грамоты от представителя нашего избирательного округа в Конгрессе США, калифорнийского сенатора и члена законодательной ассамблеи штата, в которых ключевыми словами были: «The People of the State of California salute your indomitable spirit in overcoming the odds». Кроме того, мой колледж и Центр трудоустроили меня и, что бесконечно важно — сразу, а не через полгода обеспечили мою жену и меня медицинской страховкой. Я стал дипломированным секьюрити.

28 марта 1997 года в моем дневнике появилась запись: «Безумно тяжело. Не думал о такой судьбе и таком повороте. Было очень тяжело. Но потом успокоился. Что-то нашел в себе. Надо было решаться: в целом — момент подходящий». Похоже, к тому моменту я уже достаточно американизировался и понимал правду новой жизни. Подобно многим эмигрантам, начинающим жизнь в Америке, я совмещал обучение в колледже с работой; обычно учился вечером, работал в ночную смену, когда можно было спокойно читать учебники.

И, наконец, годы обучения в SMC дали мне свободу в поиске того, чем я хотел бы заниматься, я медленно, постепенно отказывался от движения по дорогам и дорожкам, знакомым мне по прежней жизни. Как незадолго до смерти написал мне Валерий Голофаст, ты очистил стол от старых бумаг и начал все делать заново.

К счастью, я не растратил себя, поскольку довольно быстро осознал, что работа в социологии мне не светит: в Беркли и Стэнфорде свои докторанты годами стояли в «очереди», а переезжать в другую часть Америки мне не хотелось, да мы и не могли. И я настроил себя на изучение разных аспектов маркетинга. Со временем это дало хорошие и неожиданные всходы. Так, рассмотрение истории американских опросов общественного мнения я связал со становлением рекламной индустрии. И мне приятно отметить, что в 2009 году, через десять лет после окончания колледжа, моя книга «Реклама и опросы общественного мнения в США» получила Всероссийскую премию в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» в номинации «Лучшая работа по теории».

Ключевым в движении моей жизни стал октябрь 1997 года, когда шла подготовка к экзамену по курсу «Business Law», и я много работал в библиотеках. По-видимому, в первые дни месяца я обнаружил в моей городской библиотеке книгу «Looking Forward», редактором которой был Сэр Джон Темплетон (1912–2008), и 11 октября (1261-й день) начал ее читать.

В то время я уже неплохо знал логику и историю такого инвестиционного инструмента, как mutual fund (паевой фонд) и знал, что Сэр Темплетон считается классиком философии и практики этого вида инвестирования. Он много раньше и много лучше других понял связь послевоенного глобального рынка и мировой политики и успешнее других вел поиск недооцененных, но перспективных бизнесов. Тысячи держателей акций паевого фонда Темплетона стали финансово состоятельными людьми.

Жизнь показала, что я был готов к встрече с названной книгой сэра Темплетона и обнаруженной вскоре «Worldwide Laws of Life», более того, они мне были крайне необходимы. Они — не о деньгах и не об инвестировании, они — о жизни,

об оптимизме самой жизни и будущего, о необходимости сохранять силу духа во всех критических ситуациях. Книги не религиозные в прямом смысле, но оптимизм в них становится универсальной религией. И если первая книга — теоретична, то вторая — бесконечно земная, это 200 эссе, рассказов, размышлений о жизненных коллизиях, в которых человек, иногда буквально стоявший на краю пропасти и готовый прыгнуть в нее, или уединившийся с заряженным и приставленным к голове ружьем, осознает, что еще не все потеряно... и, действительно, его жизнь вскоре выправляется. Я не хотел бы сказать, что пребывал в столь критической ситуации, но, конечно, за три с половиной года неопределенности относительно работы по профессии и, соответственно, других сторон моего настоящего и обозримого будущего, мой оптимизм заметно скукожился. В другой ситуации я, скорее всего, полистал бы книги, немного поразмышлял бы над прочитанным и пошел бы дальше, однако здесь я все спроецировал на себя. Темплетон послал мне знак, вызов: нельзя прогибаться перед обстоятельствами. Однако я задумался не только о себе. Мне казалось, что философия оптимизма Темплетона может оказаться плодотворной для России, где в начале 90-х многие потеряли деньги, социальные ориентиры и не чувствовали уверенности в завтрашнем дне. И я, продумав соответствующий курс, 7 ноября 1997 года обратился в John Templeton Foundation с просьбой о гранте на подготовку указанного курса и прочтении его в России.

Через три месяца меня попросили дослать дополнительные материалы по задуманному проекту, что было сразу сделано. Потом было несколько телефонных разговоров, и все закончилось, во-первых, отказом в гранте и, во-вторых, моим знакомством с доктором Декланом Морфи (Declan Murphy), человеком с прекрасным образованием, докторской, полученной в Принстоне, значительными связями в различных деловых и научных кругах, а также отличным русским языком. Очень хорошо знала русский и его жена — Molly Pyle, социолог и этнограф, занимавшаяся русским крестьянством, насколько мне помнится, ее Ph.D. была сделана в русле классических работ Теодора Шанина.

В то время Деклан Морфи был президентом небольшой вашингтонской фирмы Impresarios. Ltd и координировал ряд проектов John Templeton Foundation по России. В частности, он, заручившись поддержкой этого Фонда, искал в Петербурге деньги на восстановление Дворца Бобринских, расположенного в центре города, но мало кому — даже из коренных петербуржцев — известного. Он расположен на Галерной ул. (в советское время — Красной), идущей от Сенатской площади в сторону пересечения Мойки и Крюкова канала. Это красивейшее здание, выстроенное в стиле классицизма во второй половине XVIII века. На моей памяти, здание принадлежало Ленинградскому университету, в нем размещались факультет психологии и Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований, одно время там располагалась социологическая лаборатория В.А.Ядова. Потом здание разрушалось, хотя какие-то фрагменты былой красоты сохранялись долго. Деклан Морфи старался собрать деньги на ремонт, восстановление здания, чтобы разместить в нем Петербургскую школу управления (St. Petersburg School of Management). Впервые мы встретились с ним в конце октября 1998 года, когда он по своим делам прилетал в столицу Силиконовой Долины, город San Jose; мы быстро подружились; он думал, что найдет мне место в будущей Школе управления, я обещал ему помогать в его петербургских, более широко — российских — проектах. И помогал.

К сожалению, российские дела Деклана Морфи развивались не так, как ему хотелось бы, но он нашел прекрасную форму, чтобы выразить мне благодарность за содействие в его делах. Я получил приглашение 16 февраля 1999 года участвовать в организованной им в Вашингтоне конференции: «The Future Of Freedom In Russia.» Это мероприятие спонсировалось

А John Templeton Foundation и The Library of Congress и ключевой доклад «Freedom, Responsibility and the Future of Russia» был сделан известным американским интеллектуалом Джеймсом Биллингтоном, всемирной известности специалистом по России, 13-м директором библиотеки Конгресса США.

Для меня начало симпозиума было в высшей степени неожиданным. Деклан представил меня Сэру Темплетону и рассказал ему о моей активности. Так на 1754-й день моей американской жизни набор букв и звуков, образующих слово Темплетон, оформился в образ высокого, сухощавого джентльмена в светлых брюках и темно-бежевом легком пуловере. Симпозиум не носил собственно научной направленности, это была система выступлений весьма подготовленных специалистов по различным аспектам жизни российского общества. Известный диссидент и правозащитник Борис Пустынцев рассказал об элементах гражданского общества в трансформирующейся России. Священник, настоятель небольшой православной церкви в костромском селе Карабаново, правозащитник с большим стажем отец Георгий Эдельштейн поделился наблюдениями об изменении роли церкви в обществе, набиравший силу, а ныне очень известный ресторатор Аркадий Новиков просто вспомнил, как он начинал свой бизнес. Вся эта достаточно пестрая картина, к тому же усиленная свободными кулуарными обсуждениями подтолкнула меня к размышлениям о собственной жизни, о том, как ее строить после скорого завершения колледжа. Я понял, что мне все еще интересна проблематика российской жизни и что я смогу восстановить свою социологическую идентификацию. Ожидая свой рейс в Baltimore-Washington International Airport, я записал в дневнике: «Надо концентрироваться на Российском интернете» (1756-й день). Почему интересно?

До историко-социологической тематики оставалось совсем немного, пара лет, но я даже не задумывался о таком развороте. Тогда как интернет был не только моим важнейшим информационным и коммуникационным ресурсом, но и темой моих «курсовых» проектов в колледже. Да и в российский интернет я был достаточно погружен.

Опущу многое... 23 июня 1999 года, т.е. через 126 дней после вашингтонского семинара и встречи с Сэром Темплетоном при поддержке Романа Могилевского я уже участвовал в петербургском семинаре: «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии» с двумя докладами. Первый — «Интернет — новое российское чудо» и второй — «Российский политический Интернет». При подготовке семинара Могилевскому удалось выпустить небольшим тиражом «Петербургский журнал социологии», полностью посвященный теме семинара. Названные доклады стали моими первыми «бумажными» публикациями после отъезда в Америку и прекращения занятий наукой. Через несколько дней, 28 июня 1998 года, я сделал сообщение «Российский интернет: новый объект познания и осознания» в Институте социологии РАН в Москве.

И далее было очень трудно, но процесс пошел...

Подведу итог. Что дает этот триптих: «Импульс, начало и возвращение»? Формально — иллюстрацию того, как мне видится сейчас изучение биографичности творчества социологов, каким должно быть описание случаев детерминирования жизненных коллизий социолога на содержание, характер его исследований, стиль обсуждения, изложения получаемых результатов. Но если по существу, то рассмотренные три сюжета объясняют многое в том, почему, после жизненной встряски, вызванной эмиграцией в Америку, я избрал историю социологии в качестве исследовательской ниши и уже почти два десятилетия пытаюсь по-своему обследовать ее.

В.А. Ядов одним из первых в 2007 году обратил внимание на особенности моего исследовательского подхода. В частности, интервьюируя меня, он спросил: «... я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т. п.). У Майкла Малкея я вычитал такое наблю-

дение: *естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя «от имени самой природы», тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь «моей», «мною». Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?»* Отвечая ему, я заметил: «Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science» [9 т.3, с. 188]. А почти десять лет спустя, в интервью Елене Рождественской, я привел это вопрос Ядова и прокомментировал его: «... а могу ли иначе вести исторический поиск? Ведь до того, как я включился в теоретико-эмпирические социологические исследования, читал «Человека и его работу», «Мир мнений и мнения о мире», осваивал методологию марксистско-ленинского анализа общественных явлений, я десять лет имел дело со сложнейшими математическими теориями, с пионерными работами по генетике, разбирался в философии Лакатоса и Поля, задумывался о проблемах истории физики от Ньютона до рождения теории относительности и квантовой механики. На все это меня настроил Шредингер» [9, т.9, с. 82]. Вот он — короткий трамвайный разговор с Евгением Гамалеем в 1959 году.

Но еще раньше, на рубеже 2005-2006 годов в беседе с Б.М. Фирсовым я сказал, что в социологии мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь, т.е. то, что было прочитано в книгах: «Что такое жизнь с точки зрения физики» и «Эварист Галуа. Избранник богов». Первая книга — о методе, физика как инструмент познания жизни, вторая — историко-биографическая. Она явно написана под влиянием Цвейгковского «гения одной ночи», или, другими словами, раскрывает биографическую заданность творчества.

Литература

1. Докторов Б. Мой разговор с Борисом Дубиным я задумал слишком поздно... <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/pamyati-borisa-vladimirovicha-dubina>
2. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 — 15 < http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1296208499123748file.pdf >.
3. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013 [http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol\(1\).pdf](http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol(1).pdf).
4. Бызов Л. Поиски, потери, возвращения. Мой путь социолога. — М.: Новый полиграф. 2018.
5. Электронное письмо С.В. Чеснокова Б.З. Доктору от 31 августа 2010 г.
6. Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008
7. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая авторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003. Т. 1-2.
8. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая авторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2005. Т. 3-4.
9. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / Докторов Б. З., редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И.— Электрон. текст. дан. (объем 253 Мб) М.: ЦСПиМ. 2016. 5901 стр. с илл. 1 электрон. опт. диск http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm.
10. Гамалей Е.Г. . . . я Льва знал с 56-го . . . <https://mcuproject.ru/museum/lvmgamaly.pdf>
11. Баранцев Р.Г. Любимцев в моей судьбе <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02021100.htm>
12. Алексеев А., Докторов Б. В поисках адресата. — СПб-Foster City. 2012. [Электронная книга] [http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2018/2012\(Alekseev-Dokt\).pdf](http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2018/2012(Alekseev-Dokt).pdf)

Biography of a sociologist and its manifestation in his professional activities. Searches for methodology and analysis of the study

Boris Doktorov

Ph.D. in Philosophy, Professor
Independent reseacer
E-mail: bdoktorov@mail.ru

doi:10.33491/telescope2019.106

It is argued that the work of a sociologist is determined by his biography. This provision is revealed by examples of the biographies of Soviet sociologists and the author of this article.

Keywords: biography of a sociologist, history of Soviet / Russian sociology, biographical conditionality of creativity.

doi:10.33491/telescope2019.106

References

1. Doktorov B. My Conversation With Boris Dubin I Thought Too Late ... <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/pamyati-borisa-vladimirovicha-dubina>.
2. Doktorov B., Kozlova L. "Telescope" Looks to the Past. Talk About Studying the History of Modern Russian Sociology // Telescope: Journal of sociological and marketing research. 2009. No. 1. P. 2 - 15

http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1296208499123748file.pdf

3. Doktorov B. Modern Russian Sociology. History in Biographies and Biographies in History. St. Petersburg: European University at St. Petersburg. 2013 [http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol\(1\).pdf](http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol(1).pdf).

4. Byzov L. Searches, Losses, and Returns. My Path is a Sociologist. - M.: New polygraph. 2018.

5. S.V. Chesnokov's Email to B.Z. Doktorov on August 31, 2010.

6. Economic Sociology in Russia: a Generation of Teachers / Comp., Resp. ed. V.V. Radaev. M.: Izdat. House SU-HSE, 2008.

7. Alekseev A.N. Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexia: In 4 T. SPb.: Norma, 2003. Vol. 1-2.

8. Alekseev A.N. Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexia: In 4 T. SPb.: Norma, 2005. Vol. 3-4.

9. Doktorov B. Z. Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 T. [Electronic resource] / Doktorov B.Z., editor-consultant Alekseev A.N., editor of the electronic edition Grigorieva E.I.- M.: TsSPiM. 2016. electron wholesale disk. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm.

10. Gamaley E.G. . . . I knew Leo from the 56th. . . <https://mcuproject.ru/museum/lvmgamaly.pdf>.

11. Barantsev R.G. Lyubishchev in My Destiny <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02021100.htm>.

12. Alekseev A., Doktorov B. Looking for an Addressee. - SPb-Foster City. 2012. [Electronic book] [http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2012\(Alekseev-Dokt\).pdf](http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2012(Alekseev-Dokt).pdf).